

ФИЛОСОФИЯ

УДК 141

Сталинская модернизация как исторический опыт*

С. И. Дудник

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: *Дудник С. И.* Сталинская модернизация как исторический опыт // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2019. Т. 35. Вып. 3. С. 394–405. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2019.301>

В статье рассматривается третья попытка модернизации России, или сталинская модернизация. Как и предшествующие, сталинская модернизация имела характер «революции сверху». Поскольку она определила построение общества социализма, то критическая оценка исторического опыта сталинской модернизации, включая все ее отрицательные и положительные аспекты, имеет весьма важное значение для современных наук об обществе и человеке. Существующие оценки сталинской модернизации в конечном счете зависят от отношения к советскому опыту построения социалистического общества в СССР. Первой характерной чертой сталинской модернизации является то, что, как и предшествующие попытки модернизации, она была «догоняющей модернизацией». Тот факт, что все попытки модернизации в России были разновидностями «революции сверху», предопределил обратную последовательность преобразований: инициативы правящего класса не были ответом на потребности гражданского общества; наоборот, они были направлены на регулирование развития гражданского общества и его потребностей. Марксистская риторика, служившая идеологическим обеспечением сталинской модернизации, не должна вводить в заблуждение, когда сталинские преобразования преподносятся как уникальные, не имевшие аналогов в истории. Сталинская модернизация оказалась прочно связанной с подготовкой к войне, и если эта подготовка заслонила собой конечные цели преобразования («построение социализма в отдельно взятой стране» в марксистской терминологии), то на тот момент это было вполне оправданно, так как была возможность исчезновения и субъекта и объекта модернизации. Незавершенная сталинская модернизация привела к гибели той политической системы, которую она же и создала, и к гибели рожденного потребностями модернизации государства.

Ключевые слова: модернизация, сталинизм, революция сверху, индустриализация, СССР.

---

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ, грант 19-011-00603 «Наука как социальный институт в проектах российской модернизации (петербургский опыт)».

Общепризнано, что Россия в своей истории прошла, самое меньшее, через четыре попытки модернизации, и во всех четырех случаях имеются основания говорить о «революции сверху»:

1. Преобразования Петра I, предполагавшие создание передовых для того времени отраслей промышленности (кораблестроительной, литейной, оружейной и т. д.) и их соединение с наукой, институционализированной в виде новых административных формаций (цифирные школы, школа математических и навигацких наук, проект академии наук).
2. Великие реформы середины XIX столетия, включавшие в себя помимо аграрной реформы («освобождения крестьян»), не без оснований оцениваемой в качестве неудачной, и формирование более гибкой модели взаимодействия науки, общества и государства (редакционные комиссии как опыт деятельности научных экспертных сообществ, Императорское училище правоведения, стоявшее у истоков судебной реформы, дискуссии вокруг университетского устава 1863 г., первые антропологические общества и т. д.).
3. Индустриализация, коллективизация, культурная революция 20–30-х годов XX в., когда субординация научных, технических и промышленных задач осуществлялась при явном приоритете военно-политических целей, а научно-техническому творчеству в условиях административно-командной системы были предоставлены неограниченные ресурсы.
4. Постсоветская модернизация, начало которой было бы правильно датировать политикой «перестройки» второй половины 80-х годов XX в., а причины ее неудачного и драматического характера, помимо прочего, коренятся в резком падении престижа научного знания и социальной инфляции науки как социального института.

Предметом данной статьи является третья попытка модернизации, или сталинская модернизация. Очевидно, что именно эта «революция сверху» была определяющей в построении общества социализма, и критическая оценка исторического опыта сталинской модернизации, со всеми ее отрицательными и положительными аспектами, имеет весьма важное значение для современных наук об обществе и человеке. Существующие на данный момент оценки сталинской модернизации весьма разнообразны и в конечном счете зависят от общего отношения к опыту построения социалистического общества в СССР. Само же это отношение выражается чаще всего в трех модальностях. Во-первых, многие критики отказываются признавать исторический опыт СССР социалистическим, и, как следствие, причиной неудачи этого опыта считается характер сталинской модернизации, в ходе которой необходимое для социализма сочетание политической и экономической демократии не могло быть достигнуто. Во-вторых, если и признается движение СССР по пути социалистического строительства, то неудачи этого строительства относятся на счет исторической отсталости страны; именно ею объясняется в данном случае характер сталинской модернизации со всеми ее эксцессами. Третья модальность выражается в теориях «перерождения» социализма в СССР, и причиной этого «перерождения» является именно сталинская модернизация, оказавшаяся неспособной ответить на вызовы времени. Иными словами, при всем разнообразии мнений

и оценок сталинская модернизация остается ключевым моментом для понимания особенностей исторического развития нашей страны в XX в., и оценка ее характера и особенностей, свободная от идеологической предвзятости, неизбежной в предшествующие десятилетия, является в данный момент крайне важной.

Первой характерной чертой, на которую следует указать с самого начала, является тот факт, что, как и предшествующие попытки модернизации, сталинская модернизация была «догоняющей модернизацией». Представление о «догоняющем» или «запоздалом» развитии России было впервые сформулировано историком С. М. Соловьевым в «Публичных чтениях о Петре Великом» (1872): «Простые условия детских перегонок и конских скачек не могут быть сравнимаемы с необыкновенно сложными условиями исторического развития народов. Русский народ не отстал по своему развитию от других европейских народов, а только запоздал на два века, благодаря тем неблагоприятным условиям, которые окружали его со всех сторон до самого Петра. Разница двух понятий очевидная: отсталость нашего народа предполагает в нем меньшие внутренние силы, меньшую способность к развитию сравнительно с другими народами Европы, а запоздалость — только менее благоприятный исход этого развития благодаря чисто внешним влияниям» [1, с. 209]. В соответствии с представлениями С. М. Соловьева, Россия, как и другие европейские страны, является составной частью христианской цивилизации и разделяет с ней общую судьбу. Отставание России от ведущих стран Европы имеет количественный, а не качественный характер, и поэтому в принципе может быть преодолено. В то же время ученик С. М. Соловьева В. О. Ключевский был убежден, что проблема отставания России от Европы имеет глубокую связь с противоречием между Западом и Востоком. Хотя Россия и принадлежит к христианской цивилизации, но азиатский Восток оказал глубокое воздействие на ее историческую судьбу, вследствие чего преодоление отставания посредством движения по тому же самому пути, по которому ранее шли европейские страны, не позволит догнать Запад, хотя и принесет немало пользы. У России свой путь в истории, и непонимание своеобразия ее судьбы как раз и является причиной того, что догоняющая модернизация оборачивается неудачей. «Закон жизни отсталых государств или народов среди опередивших: нужда реформ назревает раньше, чем народ созревает до реформы. Необходимость ускоренного движения вдогонку ведет к перениманию чужого наскоро» [2, с. 318]. Именно поэтому реформы Петра I и Александра II, по убеждению В. О. Ключевского, свелись в конечном счете к поверхностным заимствованиям. В результате этих модернизационных преобразований Россия не только не преодолела отставание от Европы, но и увеличила его, привнеся в русскую социальную жизнь такие характерные черты, как бюрократизация государственного аппарата, неразвитость правовых механизмов, беззащитность индивида перед произволом чиновника, отсутствие элементарного гражданского общества. Итогом догоняющей модернизации стал и тот факт, что правящий класс утратил историческую ориентацию и, как следствие, способность решать ключевые социальные проблемы.

Позицию и С. М. Соловьева и В. О. Ключевского можно рассматривать как естественную реакцию на неравномерность экономического, политического и культурного развития различных стран и народов. Эта неравномерность выражается не только в количественных характеристиках, которые позволяли бы определить, на

сколько десятилетий или столетий отстает та или иная страна, но и в качественных параметрах, определяющих формы исторического развития и его характер. В этом отношении и догоняющая модернизация могла приобретать различные формы, и особенностью России было то обстоятельство, что, начиная с преобразований Петра I, именно правящая элита брала на себя обязательство преодолеть отставание. В России догоняющая модернизация приобретала форму «революции сверху», тогда как модернизация в странах Запада, которая, казалось бы, должна была служить образцом для подражания, оказывалась в большинстве случаев инициативой со стороны гражданского общества, «третьего сословия», а правящий класс был вынужден поддерживать эту инициативу, когда не мог ей сопротивляться. Свободный рынок, избирательная система, судопроизводство, предполагавшее равенство сторон, и многое другое выступало в качестве естественного следствия всего хода исторического развития, тогда как в России если эти элементы общества модерна и вводились, то обязательно в принудительном порядке, по инициативе сверху, в результате чего органика социального бытия, сохранявшая феодальную архаику, постепенно, как правило, эти новые элементы в себе растворяла. Эпизоды насилия в «революциях сверху» были вызваны именно неспособностью правящего класса оставить раз и навсегда это архаическое начало в прошлом. В то же самое время правящий класс в России, выступая инициатором преобразований, необходимость которых в целом поддерживалась общественным мнением, сумел использовать даже срывы своих модернизационных проектов для укрепления господствующего положения. Очевидно, что в России еще во времена Петра I были разработаны специфические технологии удержания власти, позволявшие эффективно уходить от ответственности. Правящий класс России в XVIII–XIX столетиях возлагал на себя «миссионерскую» роль, выражавшуюся в том, что бюрократическая элита непрерывно либо готовила новые преобразования, либо пыталась их проводить в жизнь. Правящий класс России в эти столетия никогда не занимал естественной консервативной позиции, направленной на сохранение существующего положения вещей и своего господствующего положения, но всегда стремился сочетать свой консерватизм с реформизмом и даже революционностью. Поэтому революционный консерватизм сталинской бюрократии мог опираться на уже существовавшие политические технологии.

Тот факт, что все попытки модернизации в России были разновидностями «революции сверху», предопределил обратную последовательность преобразований: инициативы правящего класса не были ответом на потребности гражданского общества; наоборот, эти инициативы были направлены на регулирование развития гражданского общества его потребностей. Власть по умолчанию признала за собой право определять, какие потребности развивающегося общества являются приемлемыми, а какие не являются. Положение правящего класса при любых последствиях преобразований должно было оставаться неизменным, и поэтому любые проекты модернизации оказывались непоследовательными и обреченными на неудачу. «Революция сверху» требовала гораздо больших затрат и ресурсов, нежели простое удержание власти, но в конечном счете эта революция останавливалась там, где сохранение господствующего положения оказывалось под угрозой, а затраты неизбежно становились напрасными.

Именно поэтому «догоняющая» модернизация в России всегда начиналась с идеи создания самостоятельной крупной промышленности, и в этом отношении

преобразования Петра I мало чем отличались от сталинской индустриализации. Эта промышленность должна была, согласно представлениям инициаторов преобразований, появиться за весьма короткие сроки и главным образом по воле правящего класса, тогда как в Европе, служившей образцом для подражания, крупная промышленность формировалась столетиями. Разумеется, идея форсированной индустриализации предполагала мощную государственную поддержку крупному промышленному капиталу, особенно в XIX столетии (в эпоху преобразований Петра I и в годы сталинской модернизации эта поддержка была в основном административной, в виде безлимитного политического кредита). Но за такую поддержку пионерам крупной индустрии приходилось платить отказом от политической активности, что оборачивалось деформацией социальной структуры общества. Более того, «искусственное» создание крупного промышленного капитала привело к «естественному» разрыву между промышленной и аграрной сферами. В странах Европы, где подобный разрыв не случился, именно естественное единство аграрной и промышленной сферы приводило к образованию таких элементов нового экономического строя, как свободный рынок труда, пролетариат, мелкая промышленность, мелкая торговля и т. д. Естественный процесс социального расслоения аграрной сферы предопределял появление беднейших слоев на рынке труда (вместе с образованием самого этого рынка), а более богатые слои сельского населения находили себе применение в сфере мелкой промышленности и торговли. В России же аграрная сфера долгое время успешно избегала аналогичного социального расслоения и сохраняла свою архаичную общинную структуру. Естественные процессы ее разрушения были заторможены настолько, что в XX в. разрушение общины оказалось уже политической задачей (вначале в рамках реформ П. А. Столыпина, а затем — сталинской коллективизации). Таким образом, все естественные предпосылки развития нового экономического строя были искажены, и эта особенность исторического развития России не ускользнула от внимания К. Маркса: «Возникновение сети железных дорог в ведущих странах капитализма поощряло и даже вынуждало государства, в которых капитализм захватывал только незначительный верхний слой общества, к внезапному созданию и расширению их капиталистической надстройки в размерах, совершенно не пропорциональных остову общественного здания, где великое дело производства продолжало осуществляться в унаследованных истари формах. Не подлежит поэтому ни малейшему сомнению, что в этих государствах создание железных дорог ускорило социальное и политическое размежевание, подобно тому как в более передовых странах оно ускорило последнюю стадию развития, а следовательно, окончательное преобразование капиталистического производства» [3, с. 291]. Если с точки зрения марксистской социальной теории над базисом новых экономических отношений постепенной складывается надстройка новых политических, правовых и социальных отношений, то в России, наоборот, капиталистическая «надстройка» усилиями правящего класса насаждалась на архаический экономический базис.

Марксистская риторика, служившая идеологическим обеспечением сталинской модернизации, не должна вводить в заблуждение, когда сталинские преобразования преподносятся как уникальные, не имевшие аналогов в истории. Нерешенные задачи двух первых модернизаций должны были быть решены в рамках сталинской модернизации. В то же время и марксизм не был для решения этих за-

дач ложной идеологической формой, искажавшей реальное положение дел. Рассматриваемый его российскими адептами как философия действия, а не созерцания, он в качестве формы идей лучше всего подходил для обоснования и решения проблем модернизации. И если у идей, как и у людей, есть своя судьба, то совершенно неслучайно, что именно в России марксизм нашел свое практическое применение и вырос из социальной теории, одной из многих в западноевропейской культуре, в идеологическую систему, овладевшую умами широких масс и поэтому превратившуюся в материальную силу. Идея модернизации, т. е. перехода от старого феодального общества к обществу модерна, в марксистской оболочке оказалась идеей построения социализма в отдельно взятой стране. И хотя сама эта идея была, как показал дальнейший ход истории, утопией, именно марксизм стал той теорией, которая смогла объяснить смысл многих характерных для модернизации процессов, таких, например, как урбанизация населения или формирование позитивного отношения к научно-техническому процессу. Взаимная дополнительность марксизма и процессов модернизации («вестернизации») убедительно раскрыта в книге Д. Б. Зильбермана «Православная этика и материя коммунизма» [4], хотя в том, что касается преемственности между различными попытками модернизации России, в данной книге очень много преувеличений и сомнительных утверждений. В частности, изображаемая трансляция принципа «византизма» (по мнению многих исследователей, бывшего главным препятствием для различных попыток «революции сверху») на русскую культурную почву оказывается «сильным упрощением действительного исторического процесса. В частности, нет убедительного ответа на принципиальный вопрос: как именно произошла трансляция из поздней Византии не просто христианской доктрины, но именно космократического принципа деятельности? Кто был агентом и посредством каких массовых практик? Едва ли для этого было бы достаточно “стажировок” монахов из России в греческих монастырях. Зильберман выявляет в прошлом такого агента героической религиозности и одновременно социальной модернизации, т. е. “разрушения” архаического деревенского уклада в России — бродячие артели с исихастами-“шалопутами” в составе... но это не убедительное решение. Более подробная разработка этой темы должна была войти в следующее, так и не написанное исследование» [5, с. 225].

Следует также обратить внимание на тот опыт теоретического осмысления сталинской модернизации, который уже в 30-е годы XX столетия оказался в центре внимания М. А. Лифшица и его единомышленников, группировавшихся вокруг журнала «Литературный критик» и именовавших себя «течением». Здесь опыт социалистического строительства, совершившего к тому времени, возможно, самые важные, но в то же время и самые первые шаги, предлагалось рассматривать как особую версию проекта модернизации. Хотя сам термин «модернизация» использовался нечасто, трактовка многих процессов в общественной жизни как признаков возвращения к классическому наследию, к идеалам Просвещения, фактически создавала довольно сложный и эффективный методологический арсенал, позволявший исследователю изучать послереволюционные события в СССР, сравнивая их с другими попытками модернизации [6].

Ретроспективно такое сравнение, отталкивающееся от наших дней, позволяет предположить, что если за сталинской модернизацией следует еще одна попытка, то преобразования 20–30-х годов не достигли своей цели или достигли ее лишь ча-

стично. Такое сравнение имеет чисто теоретический интерес и должно быть лишено любых идеологических оценок, так как достижения сталинской модернизации несомненны, и вопрос об их цене на весах истории всегда будет оставаться вторичным. Сталинская модернизация оказалась прочно связанной с подготовкой к войне, и если эта подготовка заслонила собой конечные цели преобразования («построение социализма в отдельно взятой стране» в марксистской терминологии), то на тот момент это было вполне оправданно, так как была возможность исчезновения и субъекта, и объекта модернизации. Подготовка к войне, а затем и послевоенное восстановление, с одной стороны, подтверждали эффективность сталинских методов мобилизации, опиравшихся на жесткий централизм в принятии решений. Но, с другой стороны, если существует идеальная модель модернизации, то она предполагает не только индустриализацию и урбанизацию, но и создание новой, более эффективной в сравнении с феодальной архаикой, системы управления. Демократия, принцип разделения властей, всеобщее избирательное право, независимая судебная система и т. д. — все это не декорации нового экономического строя, а важнейшие его элементы, необходимые для перехода от традиционного аграрного общества к обществу модерна. Подготовка к войне, сама война, послевоенное восстановление предполагали, что жесткий централизм в принятии решений будет оптимальной формой управления при решении задач мобилизации. И такой централизм не утруждал себя поисками новых форм, поскольку история России предоставляла разнообразный опыт отправления самодержавия, позволявший центру принятия решений подавлять политические интересы элиты при помощи обращения к массам, и наоборот, удерживать массы в повиновении, вступая в союз с элитой. Сталинская модернизация не прошла искушения самодержавием, вследствие чего уже после смерти Сталина и осуждения его политических методов все попытки воплотить в жизнь социалистическую демократию (марксистский синоним новой системы управления, характерной для обществ модерна) были отложены на неопределенное будущее. Этот отложенный статус был причиной того, что политическая элита СССР оказалась перед дилеммой: либо сохранить прежний режим управления, частично его улучшив, либо постепенно вводить те методы политического и экономического управления, которые уже доказали свою эффективность в западноевропейских странах. Правящий класс закономерно расслаивался на «консерваторов» (сталинистов) и «реформаторов» («демократов»), но и те и другие отчетливо осознавали, что ради сохранения политической элиты между двумя противостоящими сторонами необходимо поддерживать равновесие. Всю последующую историю сталинской модернизации следует рассматривать как поддержание баланса между «консерваторами» и «реформаторами», и выдвинутый в послевоенные годы тезис о мирном сосуществовании двух систем был в значительной мере применим и к внутренней политике СССР. Политические конфликты, своей масштабностью угрожавшие самой системе (разгром группы Молотова, Маленкова и Кагановича и радикальное обновление Президиума ЦК КПСС в 1957 г., устранение Н. С. Хрущева с высших партийных и государственных постов и др.), завершались не победой одной из сторон, а восстановлением равновесия. Но фактически поддержание такого равновесия означало сохранение мобилизационной модели управления, которая все в большей и большей мере не соответствовала новому уровню развития производительных сил и препятствовала формированию новых

производственных отношений. Незавершенная сталинская модернизация привела к гибели той политической системы, которую она же и создала, и к гибели рожденного потребностями модернизации государства.

В настоящий момент серьезные научные исследования причин гибели СССР, как отечественные, так и зарубежные, встречаются очень редко. Едва ли к такого рода исследованиям можно отнести довольно многочисленную публицистическую литературу на данную тему, где эти причины сводятся к предательству идеалов социализма высшей партийной элитой или к злонамеренному влиянию враждебного Запада. Механизмы такого влияния, как и механизмы совершения предательства, остаются в этой публицистике не только не раскрытыми, но и недоступными самой смелой фантазии авторов этих сочинений. Что же касается указания на возможные объективные причины гибели СССР, то гораздо более серьезной выглядит попытка связать их с экологическими проблемами, с расточительным расходованием природных ресурсов [7]. Но если экологические причины и были в числе факторов, вызвавших гибель СССР, то они ни в коей мере не были единственными, о чем свидетельствует, например, более успешный опыт модернизации в КНР, где по общепризнанному мнению экологическая ситуация всегда была хуже, чем в СССР. Большое любопытство вызывают исследования С. И. Нефедова, который связывает гибель советского государства с определенными демографическими процессами [8; 9]. Мобилизационный характер первых этапов сталинской модернизации, необходимость сформированной индустриализации требовала значительного увеличения городского пролетариата, который в первые десятилетия XX в. был весьма малочисленным. Образование критической массы городского населения было оборотной стороной медали форсированной индустриализации. Государство, бывшее инициатором индустриализации, оказалось не в состоянии предоставить новым горожанам ни цивилизованные условия труда, ни достойный уровень жизни. Правящий класс, судя по всему, осознавал эту проблему и первое время пытался решать ее за счет сельского населения, составлявшего в то время большинство. Но такое решение не могло не привести к губительным последствиям для экономики в целом. «Большой Террор» второй половины 30-х годов, если рассматривать его не применительно к самому правящему классу, а в его реальных масштабах, был направлен именно на городское население, воспринимавшее себя как преданного союзника правящего класса. Затем, в послевоенное время, данную демографическую проблему удавалось решать за счет продажи нефти, леса и других природных ресурсов, но поскольку производительность сельского труда уже была катастрофически низкой, то значительные объемы сельскохозяйственной продукции приходилось закупать на валютную выручку. Когда же цена на нефть резко упала, правящий класс оказался неспособен поддерживать уровень жизни городского населения даже на прежнем, весьма невысоком уровне, и был вынужден отказаться от своих политических и идеологических обязательств, связанных с представлениями о том, что СССР является государством для рабочих. Демографические процессы оказались неподконтрольными, а «Советский Союз был одним из многих социалистических государств, известных из истории различных эпох. Эти государства рождались, жили и умирали, повинувшись одному общему закону — закону демографических циклов». [9, с. 77]. Тем не менее очевидно, что демографические процессы в СССР, описываемые С. И. Нефедовым, были вызваны

особенностями советской индустриализации, т. е., в конечном счете, характером сталинской модернизации.

Ю. Хабермас связывает причины распада СССР с процессами глобализации, но первичными считает не экономические, а политические процессы. Ключевое значение имеет в этом отношении понятие государственного суверенитета, так как то обстоятельство, что сталинская модернизация имела характер «догоняющих» преобразований, совпало по времени с возникновением международных экономических и финансовых организаций, с созданием корпораций, распространяющих свое влияние далеко за пределы тех стран, где они возникают, с формированием международных политических структур, т. е. с началом самой глобализации. В таких условиях национальное государство, располагающее мощным государственным аппаратом, получает очевидные преимущества для реализации социальной, политической и экономической модернизации. Залогом успешности модернизации становится наличие государственного суверенитета, т. е. «суверенно лишь такое государство, которое может внутри себя поддерживать спокойствие и порядок, а вовне *de facto* защищать свои границы. Во внутренних делах оно должно умело подавлять конкурирующие проявления силы, а в международных — утверждать себя в качестве равноправного конкурента» [10, с. 201–202]. Таким образом, в условиях глобализации — а первая половина XX столетия, с мировыми войнами, с интенсификацией процессов коммуникации, с приоритетом мировой экономики, уже была эпохой глобализации — достижение государственного суверенитета является необходимой предпосылкой успешности модернизации. Государственный суверенитет России и СССР был существенно ослаблен в двух мировых войнах, а также вследствие попыток решения программной задачи — создания государства нового типа, — что существенно затрудняло использование любого полезного опыта (как внешнего, так и времен Российской империи).

Сторонниками концепции гибели СССР Ю. Хабермаса являются А. Негри и М. Хардт, авторы знаменитой книги «Империя». Гибель советского государства описывается ими как закономерное следствие утверждения новой экономической и политической парадигмы, вызванной процессами глобализации. «Наше основное положение, в котором мы едины со многими исследователями советского мира, заключается в том, что система вступила в полосу кризиса и погибла из-за своей структурной неспособности выйти за рамки дисциплинарного управления, как в отношении способа производства, который являлся фордистским и тейлористским в своей основе, так и в отношении формы политической власти, которая представляла собой социалистический вариант кейнсианства, будучи, таким образом, просто системой, осуществлявшей модернизацию внутри страны и проводившей империалистическую политику в отношении внешнего мира. Это отсутствие гибкости в адаптации системы управления и производственного механизма к изменениям характера рабочей силы усилило сложности трансформации системы. Неповоротливый бюрократический аппарат Советского государства, унаследованный от длительного периода ускоренной модернизации, поставил власть в СССР в нетерпимое положение, когда она должна была реагировать на новые требования и желания, выражавшиеся возникавшими по всему миру субъективностями, сначала в рамках процесса модернизации, а затем и вне его пределов» [11, с. 259–260]. Тем не менее, по мнению авторов «Империи», сама ускоренная модернизация

в СССР была в целом успешной, хотя ее результаты не могли служить основанием для перехода к следующему этапу развития, к «постмодернизации». Одна из причин невозможности такого перехода заключается в том, что правящим классом в СССР оказался не пролетариат, а партийная и государственная бюрократия.

Авторы «Империи» обращают внимание на тот факт, что о своем господствующем положении бюрократия в СССР не могла объявить открыто. Но и скрытое господство бюрократии вызывало значительное сопротивление как со стороны пролетариата, так и со стороны прослойки, или интеллигенции. Хотя и с опозданием, но в СССР, как и на Западе, между этими классами происходило сближение и формировался новый класс, который правомерно назвать средним классом. «Даже в России и других странах, находившихся под советским контролем, требование повышения заработной платы и большей свободы развивалось в соответствии с ритмом модернизации. И также как и в капиталистических странах, здесь определился новый образ рабочей силы, которая теперь содержала в себе колоссальные созидательные возможности, основанные на развитии интеллектуальной мощи производства. Именно эту новую созидательную реальность, интеллектуально развитые массы с их жизненной силой, советские лидеры пытались запереть в рамках дисциплинарной военной экономики (угроза войны постоянно вызывалась в воображении) и загнать в тиски социалистической идеологии развития экономики и трудовых отношений, т. е. в рамки социалистического управления капиталом, что не имело более никакого смысла» [11, с. 261]. Именно этот новый класс самим способом своего существования в наибольшей мере соответствовал парадигме постсовременности. Но порожденная ускоренной модернизацией советская бюрократия полагала эффективными только мобилизационные механизмы, которые применительно к среднему классу были совершенно несостоятельны. Сама парадигма постсовременности вызывала у советской бюрократии панический страх, так как все, что выходило за рамки представлений о государственном суверенитете, воспринималось как неизбежно погружение в социальный и экономический хаос.

Таким образом, все существующие на данный момент концепции гибели СССР указывают на причины, коренящиеся в характере и особенностях сталинской модернизации. Это противоречит расхожему представлению, связывающему с предшествующими крушению советского государства десятилетиями состояния стабильности и относительного благополучия. Но стремление обыденного сознания отказаться от признания логической ошибки *post hoc, ergo propter hoc* («после этого, значит по причине этого») и связать гибель СССР с внутренней и внешней политикой второй половины 80-х годов может привести и к другим, еще более серьезным последствиям. Как безоглядная апологетика сталинской модернизации, так и ее исключительно негативная оценка не только в равной мере ошибочны, но имеют один весомый нравственный изъян. За сталинскую модернизацию уплачена слишком большая цена, чтобы можно было отказываться от изучения ее исторического опыта.

Литература

1. Соловьев С. М. Публичные чтения о Петре Великом. М.: Наука, 1984. 235 с.
2. Ключевский В. О. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М.: Наука, 1968. 524 с.
3. Маркс — Даниельсону, 10 апреля 1879 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Изд-во политической литературы, 1964. Т. 34. С. 287–293.

4. Зильберман Д. Б. Православная этика и материя коммунизма. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2014. 256 с.
5. Немцев Мих. Коммунизм как высший этап «истернизации»: Д. Б. Зильберман о русской культурной традиции и советском обществе // Зильберман Д. Б. Православная этика и материя коммунизма. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2014. С. 217–253.
6. Арсланов В. Г. Постмодернизм и русский «третий путь». *Tertium datur* российской культуры XX века. М.: Культурная революция, 2007. 656 с.
7. Ульянов В. М. Кризис СССР. Причины и последствия. М.: Диалог-МГУ, 1999. 91 с.
8. Алексеев В. В. Нефедов С. И. Гибель Советского Союза в контексте истории мирового социализма // Общественные науки и современность. 2002. № 6. С. 66–77.
9. Нефедов С. И. Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Екатеринбург: Изд-во УГГУ, 2005. 543 с.
10. Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб.: Наука, 2001. 417 с.
11. Хардт М., Негри А. Империя. М.: Праксис, 2004. 440 с.

Статья поступила в редакцию 27 января 2019 г.;
рекомендована в печать 13 июня 2019 г.

Контактная информация:

Дудник Сергей Иванович — д-р филос. наук, проф.; s.i.dudnik@gmail.com

Stalin modernization as a historical experience*

S. I. Dudnik

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Dudnik S. I. Stalin modernization as a historical experience. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2019, vol. 35, issue 3, pp. 394–405.
<https://doi.org/10.21638/spbu17.2019.301> (In Russian)

In this article we consider the third attempt of modernizing Russia, or Stalin modernization. Along with previous attempts, Stalin modernization had the character of a “revolution from above”. As it defined the creation of a society of socialism, the critical evaluation of the historical experience of Stalin modernization, including all its negative and positive aspects, is very important for modern studies of man and society. In the end, the existing evaluations of Stalin modernization depend on the relationship to the Soviet experience of creating a socialist society in the USSR. The first characteristic feature of Stalin modernization is the fact that, along with previous modernization attempts, it was “overtaking modernization”. The fact that all attempts of modernization in Russia were kinds of “revolution from above” predetermined the inverse sequence of transformations: initiatives of the ruling class were not the answer to the needs of civil society; on the contrary, these initiatives were directed towards regulating the development of civil society and its requirements. Marxist rhetoric, which served as ideological support for Stalin modernization, should not mislead when Stalin transformations are presented as unique, not having analogs in the history. Stalin modernization was strongly connected with preparation for war, and if this preparation concealed the ultimate goals of transformation (“creation of socialism in a separately taken country” in Marxist terminology), then at that time it was quite justified, as there was a possibility of the disappearance of both the subject and object of modernization. Incomplete Stalin modernization led to the death of

---

* The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research, grant 19-011-00603 “Science as a social institution in projects of the Russian modernization (Petersburg experience)”.

the political system which it had also created, and to the death of the state which was given rise to by the requirements of modernization.

Keywords: modernization, Stalinism, *revolution from above*, industrialization, USSR.

References

1. Solov'ev, S. M. (1984), *Public readings about Peter the Great*, Nauka Publ., Moscow, 235 p. (In Russian)
2. Kliuchevskii, V. O. (1968), *Diaries. Aphorisms and thoughts about history*, Nauka Publ., Moscow, 524 p. (In Russian)
3. Marx to Danielson (1964), in Marx K. and Engels, F. *Sochineniia*, 2nd ed., vol. 34, Politicheskoi literature Publ., Moscow, pp. 287–293. (In Russian)
4. Zil'berman, D. B. (2014), *Orthodox ethics and material of communism*, Ivana Limbacha Publ., St. Petersburg, 256 p. (In Russian)
5. Nemtsev, M. (2014), Communism as the highest period of “easternization”: D. B. Zilberman about Russian culture tradition and soviet society, in Zilberman, D. B., *Orthodox ethics and material of communism*, Ivana Limbacha Publ., St. Petersburg, pp. 217–253. (In Russian)
6. Arslanov, V. G. (2007), *Postmodernism and Russian third way. Tertium datur of Russian culture of XX century*, Kul'turnaia revoliutsiia Publ., Moscow, 656 p. (In Russian)
7. Ul'ianov, V. M. (1999), *Crisis of USSR. Reasons and consequences*, Dialogue-MGU Publ., Moscow, 91 p. (In Russian)
8. Alekseev, V. V. and Nefedov, S. I. (2002), Downfall of Soviet Union in context of history of world socialism, *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, vol. 6, pp. 66–77. (In Russian)
9. Nefedov, S. I. (2005), *Demographic and structural analysis of social and economic history of Russia*, UGGU Publ., Ekaterinburg, 543 p. (In Russian)
10. Habermas, J. (2001), *The Inclusion of the Other. Essay of political theory*, Nauka, St. Peteresburg, 417 p. (In Russian)
11. Hardt, M. and Negri, A. (2004), *Empire*, Praxis Publ., Moscow, 440 p. (In Russian)

Received: January 27, 2019

Accepted: June 13, 2019

Author's information:

Sergey I. Dudnik — Dr. Sci. in Philosophy, Professor; s.i.dudnik@gmail.com